

УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО ВООБЩЕ,

АНГЛИЙСКОЕ ВЪ ОСОБЕННОСТИ,

ИЗЛОЖЕННОЕ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ШОТЛАНДСКИМЪ И ФРАНЦУЗСКИМЪ.

Сочиненіе

Джемса Стифена,

барристера и рекордера.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ТИПОГРАФІЯ КУКОЛЬ-ЯСНОПОЛЬСКАГО.

Малая Мѣщанская и Столярный пер. д. № 6 и 14.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. 16 іюля 1866 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВООБЩЕ.

Англійское уголовное судопроизводство.

- I. Отсутствіе публичнаго обвинителя.
 - II. Система уголовныхъ преній и въ особенности обвинительный актъ.
 - III. Обычай не допрашивать подсудимаго.
 - IV. Вердиктъ присяжныхъ.
 - Показанія экспертовъ.
 - Единогласіе присяжныхъ.
 - V. Апелляція по уголовнымъ дѣламъ.
-

Уголовное судопроизводство вообще.

Судопроизводствомъ вообще называется та часть положительнаго права, которая опредѣляетъ порядокъ примѣненія общихъ постановленій закона къ отдѣльнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ обществѣ. Такъ, напримѣръ, законъ говоритъ вообще, что договоры, заключенные между частными лицами, должны быть исполняемы, а въ случаѣ неисполненія сторона, нарушившая договоръ, обязана заплатить вознагражденіе другой сторонѣ. Уставъ судопроизводства опредѣляетъ способъ, которымъ А можетъ получить вознагражденіе отъ В за нарушение договора, заключеннаго ими между собою. Именно: А долженъ доказать особеннымъ, установленнымъ порядкомъ, что договоръ былъ заключенъ и потомъ нарушенъ. Если А докажетъ это, то онъ получаетъ право на вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ подлежащимъ судебнымъ учрежденіемъ. Послѣ чего законъ вооружаетъ А извѣстною властью для взысканія слѣдуемаго ему удовлетворенія; эта власть, въ свою очередь, можетъ быть приведена въ дѣйствіе не иначе, какъ извѣстнымъ установленнымъ порядкомъ.

Уголовное судопроизводство есть часть положительнаго уголовного права, опредѣляющая способъ, посредствомъ котораго частныя лица могутъ быть подвергаемы наказанію за совершеніе дѣяній, запрещенныхъ закономъ. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ участвуютъ три стороны: обвиняемый, обвинитель и государство. Характеръ судопроизводства данной страны обуславливается лежащимъ въ основѣ его воззрѣніемъ на положеніе, занимаемое въ дѣлѣ каждой изъ названныхъ сторонъ. Большая часть системъ уголовного судопроизводства руководится однимъ изъ слѣдующихъ двухъ взглядовъ на значеніе процесса. Однѣ системы смотрятъ на уголовный процессъ, какъ на изслѣдованіе преступленія, предпринимаемое обществомъ (*public inquiry*), съ цѣлью открыть истину, въ видахъ общественнаго интереса; другія, напротивъ, видятъ въ процессѣ частный споръ между обвинителемъ и обвиняемымъ, изъ которыхъ первый хлопочетъ о томъ, чтобы заявленное имъ преступленіе подверглось законному наказанію, а послѣдній старается отклонить отъ

себя это наказаніе. По всей вѣроятности ни одна система не основывается исключительно на какомъ нибудь одномъ изъ этихъ двухъ началъ, но въ каждой преобладаетъ то или другое изъ нихъ. А потому для простоты мы раздѣлимъ всѣ системы уголовного судопроизводства на двѣ категоріи, изъ которыхъ одну назовемъ системой *тяжебной* или *состязательной* (litigious), а другую — *розыскной* или *инквизиціонной* (inquisitorial).

Англійская система уголовного судопроизводства почти исключительно тяжёбная; французская — почти исключительно розыскная. Сравненіе или, лучше сказать, противопоставленіе этихъ двухъ системъ броситъ свѣтъ на хорошія и дурныя стороны каждой изъ нихъ, и послужитъ естественнымъ введеніемъ къ изученію характеристическихъ чертъ англійскаго уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство, по самому существу своему, должно состоять изъ слѣдующихъ четырехъ частей или фазъ:

- 1) Открытіе преступленій и арестъ преступниковъ.
- 2) Подготовка дѣла къ процессу. На англійскомъ языкѣ нѣтъ специфическаго названія для этой части процесса; но французски же она называется: *instruction* (предварительное слѣдствіе). Этотъ терминъ и мы будемъ употреблять.
- 3) Самый процессъ (trial), т. е. публичное разбирательство дѣла, совмѣщающее въ себѣ разсмотрѣніе и оцѣнку доказательствъ и рѣшеніе суда.
- 4) Исполненіе судебного приговора.

Вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, англійскій уголовный процессъ утратилъ свой первоначальный характеръ изслѣдованія, предпринимаемаго самимъ обществомъ, и принялъ форму частной тяжбы. Этимъ объясняется то явленіе, что нынѣшнѣшнее англійское законодательство не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно открытія или ареста уголовныхъ преступниковъ. Законъ дозволяетъ всякому частному лицу взять на себя обязанность открытія и ареста преступника, все равно: пострадало ли это лицо отъ преступленія или нѣтъ. Законъ предоставляетъ, въ иныхъ случаяхъ даже предписываетъ отдѣльнымъ общественнымъ союзамъ — таковы напр. корпораціи городовъ и четвертные мировые съѣзды въ графствахъ — содержать на общественный счетъ полицейскую силу для этой цѣли. Но въ сущности власть полицейскаго чиновника нисколько не превышаетъ власти всякаго частнаго лица. Онъ не снабженъ никакими особенными средствами для принятія какихъ-либо мѣръ, входящихъ въ составъ предварительнаго слѣдствія. Вообще въ Англіи не существуетъ такого общественнаго должностнаго лица, которое бы по своему officialному званію обязано было начинать слѣдствіе о совершившемся преступленіи.

Охраненіе общественнаго спокойствія возложено, правда, на извѣстныхъ должностныхъ лицъ — меровъ и шерифовъ — которые могутъ быть

даже преданы суду и подвергнуты взысканію за нерадивое исполненіе этой обязанности. Но тѣмъ не менѣе въ Англіи нѣтъ такого чиновника (за исключеніемъ развѣ коронера), который бы ex officio обязанъ былъ открывать преступленія и производить о нихъ слѣдствія. Интересъ общества въ преслѣдованіи уголовныхъ преступленій обеспечивается единственно тѣмъ, что всякое частное лицо вправе представить преступника къ мировому судѣ для преданія суду; но ни по закону, ни на практикѣ никакая власть не можетъ принудить гражданъ возбуждать уголовныя дѣла, и если обвинитель почему либо предпочелъ отказаться отъ судебного преслѣдованія преступника, то общество не имѣетъ никакихъ средствъ наказать виновника преступленія.

Должность генераль-атторнея (attorney-general) составляетъ повидимому исключеніе изъ общаго порядка, но это только повидимому. Генеральный атторней по своему званію дѣйствительно долженъ преслѣдовать нѣкоторыя преступленія, нарушающія общественные интересы; но не имѣетъ на это никакого прямаго предписанія закона и не пользуется никакими особенными преимуществами по отправленію этой обязанности, кромѣ только того, что вправе предавать извѣстнаго рода преступниковъ суду собственною властью, при помощи такъ-называемаго офіціального сообщенія—*information*—безъ посредства большаго джюри.

Производство, которое французы называютъ предварительнымъ слѣдствіемъ—*instruction*—въ Англіи находится всецѣло въ рукахъ атторнея (стряпчаго) со стороны обвинителя. Этотъ атторней не есть какое-либо общественное должностное лицо,—развѣ только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ всѣ атторнеи считаются чиновниками суда, въ которомъ они допущены къ веденію дѣлъ своихъ довѣрителей. Атторней обвинителя prepares уголовное дѣло къ процессу совершенно такимъ же образомъ, какъ сталъ бы готовить гражданскій искъ къ судебному разбирательству, и даже на такихъ же точно условіяхъ. То-есть, онъ получаетъ за свой трудъ плату отъ своего кліента, обвинителя, хотя имѣетъ право и на полученіе извѣстнаго вознагражденія отъ общества. Въ большинствѣ случаевъ вознагражденіе, даваемое обществомъ, составляетъ весь гонорарій стряпчаго, такъ какъ обвинитель не имѣетъ никакого личнаго интереса въ дѣлѣ и есть не болѣе какъ свидѣтель въ процессѣ. Вслѣдствіе этого атторней со стороны обвинителя (такими атторнеями чаще всего бываютъ клерки мировыхъ судей), не слишкомъ заботится о порученномъ ему дѣлѣ. Онъ отбираетъ показанія отъ свидѣтелей, пришедшихъ къ судѣ, и обязываетъ послѣднихъ явиться на ближайшій мировой сѣздъ или на ассизы; затѣмъ излагаетъ свидѣтельскія показанія въ формѣ краткой записки (*brief*), которую передаетъ адвокату обыкновенно (такъ по крайней мѣрѣ ведется въ провинціи, *country*) въ судѣ, въ самый день процесса. Не такъ, конечно, бываетъ въ тѣхъ случаяхъ,

когда преступленіе обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, или когда частный обвинитель по какимъ-либо причинамъ готовъ на значительныя издержки по дѣлу. Въ этихъ случаяхъ атторней собираетъ доказательства со всевозможною тщательностью и искусствомъ, впередъ сообщаетъ адвокату всѣ необходимыя свѣдѣнія, спрашиваетъ его совѣта о томъ или другомъ доказательствѣ, — словомъ, дѣйствуетъ такъ, какъ бы дѣйствовалъ, приготовляя къ судебному разбирательству гражданскій искъ. Но какъ бы ни была велика важность даннаго уголовного случая, предварительное слѣдствіе по дѣлу все-таки остается цѣликомъ въ рукахъ обвинителя и его атторней, а также адвоката, къ которому атторней обратится, если найдетъ нужнымъ, за указаніями.

Совершенно такимъ же образомъ ведется судебная защита подсудимаго. Подсудимый, подобно отвѣтчику въ гражданскомъ дѣлѣ, имѣетъ полную возможность приготовиться къ защитѣ противъ взводимого на него обвиненія. Онъ можетъ, если имѣетъ средства, нанять атторнеевъ и адвокатовъ, можетъ пригласить своихъ свидѣтелей и притомъ на нѣсколько болѣе выгодныхъ для него условіяхъ, чѣмъ обвинитель, такъ какъ весьма сомнительно, вправѣ ли требовать свидѣтель, прежде чѣмъ дастъ свое показаніе, вознагражденія за расходы, сдѣланныя имъ по случаю явки въ судъ. Но если подсудимый—какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ—человѣкъ бѣдный и не имѣетъ друзей, которые бы въ состояніи были помочь ему, то, сидя въ тюрьмѣ, онъ разумѣется лишенъ всякой возможности приготовиться къ защитѣ; онъ долженъ оправдываться на судѣ какъ умѣетъ. Впрочемъ, ему предоставлено право получать копію съ показанія свидѣтелей противъ него, за небольшую плату (1½ пенса за листъ, считаемый въ 90 словъ). Кромѣ того, по обычаю, существующему въ судебной практикѣ, обвиняемый можетъ, если желаетъ, просить одного изъ адвокатовъ (barristers), состоящихъ при томъ судѣ, гдѣ будетъ разсматриваться его дѣло, принять на себя его защиту за гонорарій въ 1 фунтъ 3 шиллинга 6 пенсовъ. Адвокатъ, къ которому обращается подсудимый, обязанъ исполнить его просьбу. Вмѣстѣ съ просьбой о веденіи защиты и помянутымъ гонораріемъ, подсудимый обыкновенно посылаетъ адвокату и свое показаніе, составленное въ формѣ краткой записки.

Одна изъ существенныхъ чертъ англійскаго уголовного судопроизводства состоитъ въ томъ, что заключеніе обвиняемаго въ тюрьму до рѣшенія дѣла о немъ предпринимается только для того, чтобъ онъ не имѣлъ возможности скрыться отъ суда, и никогда не употребляется какъ средство вынудить у обвиняемаго признаніе. Подсудимый можетъ освободиться отъ подслѣдственнаго ареста, представивъ надлежащее поручительство.

По закону поручительство *должно* быть принимаемо отъ подсудимаго въ большей части случаевъ по обвиненію въ проступкахъ, называемыхъ *misdemeanors*, и *можетъ* быть принято во всѣхъ дѣлахъ о

misdemeanors, равно какъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ, называемыхъ *felonies*, и въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ (*treason*). Вообще законъ очевидно руководится тѣмъ началомъ, что поручительство должно быть допускаемо во всѣхъ случаяхъ, когда оно можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ явки обвиняемаго въ судъ. Эта явка обвиняемаго есть единственная цѣль подслѣдственнаго ареста. Предварительное производство у мирового судьи, къ которому представляется обвиняемый, и отъ котораго зависитъ сдѣлать распоряженіе о заключеніи его въ тюрьму (*committing magistrate*), учреждено въ интересахъ обвиняемаго. Это производство составляетъ необходимое условіе, безъ котораго обвиняемый не можетъ быть отправленъ въ тюрьму; кромѣ того, обвиняемый узнаетъ здѣсь въ чемъ его обвиняютъ. Такимъ образомъ лицо, обвиняемое въ уголовномъ преступленіи, находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ отвѣтчикъ по гражданскому дѣлу, подлежащій дѣйствию одного стариннаго закона, такъ-называемаго *law of arrest on mesne process*. На основаніи этого закона всякій, объявляющій подъ присягой, что онъ имѣетъ въ данному лицу гражданскую претензію, можетъ засадить это лицо въ тюрьму; арестованному такимъ образомъ не говорятъ даже въ чемъ состоитъ предъявленный противъ него искъ, такъ что онъ узнаетъ объ этомъ уже при судебномъ разбирательствѣ дѣла. Между тѣмъ лицо, обвиняемое въ преступленіи, можетъ быть заключено подъ стражу только въ томъ случаѣ, если мировой судья убѣдится въ необходимости этой мѣры.

Въ англійскомъ судопроизводствѣ обвиняемый не можетъ быть подвергнутъ никакому допросу раньше, чѣмъ начнетъ процессъ. До 1848 г. мировые судьи, на основаніи одного стариннаго акта, изданнаго въ царствованіе Филиппа и Маріи и дополненнаго статутомъ 7, Георга IV, гл. 64, — обязаны были снимать допросъ съ лицъ, обвиняемыхъ въ *felony* или въ *misdemeanor*. Этотъ законъ старались примѣнить ко многимъ другимъ случаямъ, утверждая, что въ силу его, судьи могутъ допрашивать обвиняемаго. Теперь же, послѣ изданія статутовъ 11 и 12 Викторіи, гл. 42, § 18, мировой судья долженъ прочитать обвиняемому показанія свидѣтелей противъ него, и затѣмъ спросить: «не желаете ли вы сказать что-нибудь въ отвѣтъ на обвиненіе, которое вы сейчасъ слышали. Законъ не обязываетъ васъ къ этому: отвѣчать или не отвѣчать — совершенно въ вашей волѣ; но если вы скажете что-нибудь, то ваши слова будутъ записаны, и могутъ послужить доказательствомъ противъ васъ во время судебного разбирательства вашего дѣла». Въ этомъ случаѣ опять положеніе подсудимаго гораздо выгоднѣе положенія отвѣтника въ гражданскомъ дѣлѣ, который подвергается допросу раньше открытія процесса и обязанъ отвѣчать подъ присягой на предлагаемые ему вопросные пункты. Такая система предварительнаго слѣдствія, или, вѣрнѣе, отсутствіе всякаго предварительнаго слѣдствія, лучше всего доказываетъ, что англій-

свое уголовное судопроизводство построено главнымъ образомъ на началѣ тяжёбомъ, а не розыскомъ. Формальное обвиненіе подсудимаго, производимое большимъ джюри, и слѣдствіе коронера (coroner's inquest) являются остаткомъ прежняго, т. е. инквизиціоннаго порядка судопроизводства. Въ настоящее время и то, и другое превратилось въ пустую формальность, которую никто не сталъ бы и поддерживать, еслибъ, она не представляла выгодъ въ социальномъ отношеніи, заинтересовывая классъ, изъ котораго выбираются присяжные обвинительнаго джюри, въ отправленіи уголовного правосудія.

Существенно тяжёбный характеръ англійскаго уголовного судопроизводства также ясно обнаруживается и въ производствѣ самаго процесса. Между процессомъ и всѣми приготовительными мѣрами къ нему лежитъ непроходимая пронасть. Если англійскій судъ присяжныхъ приступаетъ къ сужденію обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, то предварительное производство по дѣлу теряетъ всякое значеніе. На публичномъ разбирательствѣ каждый фактъ дѣла долженъ быть доказанъ непосредственно. Съ другой стороны, процессъ, разъ начавшись, не можетъ быть пріостановленъ ни по какимъ причинамъ, кромѣ только внезапной болѣзни одного изъ присяжныхъ. Неожиданное открытіе новаго доказательства или неявка существеннаго свидѣтеля, могутъ быть вполне достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ отсрочить время открытія процесса; но ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить основаніемъ къ пріостановленію процесса, уже начатаго. Подсудимый часто оправдывается единственно потому, что не явился въ судъ какой-нибудь существенный свидѣтель, хотя его отсутствіе могло зависѣть отъ совершенно случайнаго обстоятельства. Такова обыкновенная судебная практика. Но судъ, повидимому, имѣетъ власть распускать присяжныхъ въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда онъ находитъ эту мѣру необходимою для дѣлей правосудія, — такъ, на примѣръ, если приглашенный свидѣтель отказывается дать показаніе, а между тѣмъ его свидѣтельство было бы весьма важно въ интересѣ обвинителя, т. е. государства. Впрочемъ, какъ предѣлы этой власти суда, такъ и самое существованіе ея сильно оспариваются. Въ послѣднее время вопросъ объ этомъ подробно разсмотрѣнъ былъ въ процессѣ *Чарльзворта*.

Во Франціи, напротивъ, то, что англичане называютъ процессомъ, представляетъ лишь послѣднюю ступень въ стройной системѣ судопроизводства, всѣ части которой находятся въ тѣсной и неразрывной связи. Бентамъ замѣтилъ, не знаю на сколько вѣрно, что на другихъ языкахъ нѣтъ слова равносильнаго англійскому «trial», которое означаетъ окончательное слушаніе дѣла, исключаящее все предшествовавшее производство его.

Теперь мы изложимъ вкратцѣ общій ходъ англійскаго уголовного процесса. Первое дѣйствіе въ процессѣ, такъ-называемое *prisoner's plea*,

состоитъ въ томъ, что подсудимому предлагается вопросъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или невиннымъ. Это *prisoner's plea* основано на исключительно тяжёбомъ началѣ. Оно предполагаетъ, что процессъ есть ничто иное какъ споръ между подсудимымъ и его обвинителемъ. Если подсудимый объявляетъ себя виновнымъ, то процессъ немедленно оканчивается. Никакое дальнѣйшее изслѣдованіе не имѣетъ мѣста, не спрашиваютъ ни одного свидѣтеля, присяжные не произносятъ никакого вердикта. Присяжные до тѣхъ поръ не приводятся къ присягѣ, пока не будетъ извѣстенъ отвѣтъ подсудимаго, такъ какъ этотъ отвѣтъ покажетъ, потребуется ли рѣшеніе присяжныхъ или нѣтъ. Между тѣмъ во Франціи признаніе подсудимаго не прекращаетъ процесса, — судоговореніе продолжается своимъ порядкомъ: свидѣтели и подсудимый подвергаются допросу, адвокаты говорятъ свои рѣчи, присяжные постановляютъ вердиктъ.

Если подсудимый объявляетъ себя невиннымъ, то присяжные приводятся къ присягѣ, причемъ подсудимый пользуется въ отношеніи ихъ правомъ отвода. Затѣмъ адвокатъ со стороны обвинителя (*counsel for the prosecution*) или открываетъ процессъ вступительною рѣчью (*opening the case*), или, если подсудимый не имѣетъ защитника, прямо, безъ всякаго вступленія, приступаетъ къ допросу своихъ свидѣтелей. Положеніе, которое занимаетъ въ англійскомъ судѣ адвокатъ обвинителя (называемый также адвокатомъ со стороны короны, *counsel for the crown*, такъ какъ онъ защищаетъ интересы короны, т. е. государства) отличается многими весьма характеристическими особенностями. Самыя формы и обряды уголовного процесса даютъ адвокату обвинителя гораздо большее вліяніе на ходъ дѣла, чѣмъ то, какое онъ имѣлъ бы въ гражданской тяжбѣ, будучи адвокатомъ истца. Отъ него вполне зависитъ, какихъ свидѣтелей пригласить и какіе вопросы предложить имъ; въ этомъ отношеніи онъ подчиняется только общимъ правиламъ о судебныхъ доказательствахъ. Во многихъ случаяхъ онъ вправѣ выбрать одно изъ нѣсколькихъ различныхъ обвиненій и сдѣлать его предметомъ процесса. Такъ, на примѣръ, онъ часто рѣшаетъ, вести ли процессъ по обвиненію въ преднамеренномъ убійствѣ (*murder*) или по обвиненію въ убійствѣ неумышленномъ (*manslaughter*); слѣдуетъ ли считать нападеніе (*assault*), въ которомъ обвиняется подсудимый, нанесеніемъ ранъ (*wounding*), съ намѣреніемъ причинить тяжкое тѣлесное поврежденіе, или на это нападеніе должно смотрѣть просто какъ на противозаконное нанесеніе ранъ, и т. п. Сверхъ того, по отношенію извѣстныхъ пунктовъ судья почти всегда спрашиваетъ его мнѣнія. На примѣръ, если адвокатъ обвинителя требуетъ, чтобы допущенъ былъ, въ качествѣ его свидѣтеля, подслѣдственный арестантъ, или если онъ говоритъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ надобности доказывать какое-либо отдѣльное обвиненіе, то судья вообще разрѣшаетъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Въ этихъ и многихъ другихъ важныхъ случаяхъ адво-

катъ обвинителя—фактически dominus litis (хозяинъ процесса); притомъ здѣсь его личному усмотрѣнію данъ гораздо большій просторъ, чѣмъ въ гражданской тяжбѣ. Въ гражданской тяжбѣ адвокатъ истца долженъ смотрѣть на себя только какъ на представителя своего кліента, долженъ сообразоваться съ его инструкціями; между тѣмъ въ уголовномъ процессѣ ни одинъ честный человѣкъ не согласится быть орудіемъ мести частнаго лица. Адвокатъ обвинителя исполняетъ роль, которая вообще признается необходимою для цѣлей отправленія правосудія. Но онъ не долженъ никогда терять изъ виду ни цѣли, ни средствъ своей роли. То-есть, онъ долженъ дѣйствовать какъ адвокатъ, правда, но какъ адвокатъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ несетъ на себѣ обязанности и отвѣтственность судьи, и который ратуетъ не за успѣхъ своего дѣла во что бы то ни стало, а за полное признаніе судьей и присяжными справедливости тѣхъ доводовъ, которые говорятъ въ пользу обвиненія. Онъ обязанъ выставить доказательства противъ подсудимаго во всей ихъ силѣ; но не долженъ скрывать или уменьшать слабыя стороны этихъ доказательствъ. Задача его состоитъ не въ томъ, чтобъ изслѣдовать истину, а въ томъ, чтобъ указать, со всевозможнымъ безпристрастіемъ, на тѣ факты, которые неблагоприятны подсудимому.

По окончаніи вступительной рѣчи, адвокатъ обвинителя вызываетъ своихъ свидѣтелей и допрашиваетъ ихъ, сообразуясь при этомъ съ общими правилами о судебныхъ доказательствахъ: то есть онъ спрашиваетъ свидѣтелей объ извѣстныхъ имъ фактахъ, относящихся къ предмету обвиненія, причемъ вопросы его *не должны* подсказывать отвѣтовъ. Подсудимый, или его защитникъ, подвергаетъ этихъ свидѣтелей перекрестному допросу: т. е. посредствомъ вопросовъ, которые *могутъ* подсказывать отвѣтъ, вынуждаетъ ихъ сообщить какіе-либо факты, благоприятные его кліенту.

Различіе между главнымъ допросомъ (examination in chief) и перекрестнымъ допросомъ (cross-examination) въ высшей степени характеристично, и представляетъ, быть можетъ, лучшее доказательство тяжёбаго характера англійскаго уголовного суда. Это различіе основано на предположеніи, что свидѣтель всегда будетъ говорить въ пользу той стороны, которая пригласила его, и слѣдовательно всегда будетъ опасность, что свидѣтель покажетъ только то, что ему подсказано одною стороною и скроетъ все благоприятное противной сторонѣ, если эта послѣдняя сама не принудитъ его высказать факты, говорящіе въ пользу ея. Англійское законодательство не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно призыва свидѣтелей самимъ судьей; англійскій судья заботится только о томъ, чтобы была обнаружена истина.

По окончаніи допроса свидѣтелей со стороны обвинителя слѣдуетъ защита подсудимаго, излагаемая или самимъ подсудимымъ лично, или его защитникомъ, который въ процессѣ играетъ роль простаго адвоката, ста-

раясь обезпечить за своимъ кліентомъ всѣ выгоды, доставляемыя ему фактами дѣла или закономъ. Если подсудимый вызываетъ своихъ свидѣтелей, то эти свидѣтели допрашиваются и подвергаются перекрестному допросу совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и свидѣтели за обвинителя; затѣмъ адвокатъ обвинителя можетъ представить свое возраженіе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если у подсудимаго нѣтъ своихъ свидѣтелей, адвокатъ обвинителя не имѣетъ права возражать на защитительную рѣчь подсудимаго или его защитника.

Право представлять возраженія (reply) дается или отнимается (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судебное преслѣдованіе ведетъ генеральный атторней) сообразно съ требованіями тяжёбнаго процесса: «*audi alteram partem*» есть основное правило всякой тяжбы. Обѣ стороны должны быть выслушиваемы относительно всякаго обстоятельства, на которое указываетъ та или другая изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, если одинъ только обвинитель приглашаетъ свидѣтелей, то защита подсудимаго заключаетъ собою судебное слѣдствіе. Если подсудимый ссылается на какое-либо новое обстоятельство, то обвинитель опять пользуется правомъ слова. Право генеральнаго атторнея отвѣчать на защитительную рѣчь подсудимаго, независимо отъ того, призывалъ ли послѣдній своихъ свидѣтелей или нѣтъ, является аномаліей и есть, по всей вѣроятности, остатокъ старинной инквизиціонной теоріи уголовнаго правосудія, по которой подсудимый не имѣлъ никакого защитника и не могъ приглашать своихъ свидѣтелей для допроса ихъ подъ присягой. Съ точки зрѣнія этой теоріи весьма естественно, что лицо, которое ведетъ подобное слѣдствіе, должно и заключать его.

По выслушаніи доказательствъ, предъявленныхъ сторонами, судья излагаетъ результаты судебныхъ преній (sums up). Англійскій судья съ начала до конца процесса играетъ роль посредника между двумя тяжущимися. Онъ разрѣшаетъ или запрещаетъ то или другое дѣйствіе въ процессѣ, но самъ собою не предпринимаетъ ничего. Въ его заключительной рѣчи всегда проглядываетъ и его собственное мнѣніе; но это мнѣніе является результатомъ доказательствъ, слышанныхъ имъ въ судѣ, а не плодомъ самостоятельнаго изслѣдованія дѣла. — Процессъ завершается вердиктомъ присяжныхъ и приговоромъ судьи, который въ этой части своихъ функцій пользуется значительной властью дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Вердиктъ джюри и приговоръ судьи считаются окончательными и могутъ быть отмѣнены лишь въ кассационномъ порядкѣ по поводу какой-либо неправильности, допущенной при производствѣ процесса и очевидной изъ протокола судебного засѣданія. Приговоръ отмѣняется или высшими судами, на основаніи кассационной жалобы (writ of error), или особымъ судомъ, называемымъ court for crown cases reserved. Судья въ своемъ приговорѣ можетъ сдѣлать оговорку, что такой-то во-

прось долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе въ court for crown cases reserved, и если послѣдній рѣшитъ вопросъ въ смыслѣ, благопріятномъ подсудимому, то приговоръ объявляется недѣйствительнымъ. Но вносить или не вносить подобные вопросы на рѣшеніе этого суда — вполне зависитъ отъ усмотрѣнія судьи. На рѣшеніе присяжныхъ относительно фактовъ дѣла не допускается никакой апелліаціи.

Французская система уголовного судопроизводства, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, представляетъ совершенный контрастъ съ англійской.

Основное начало, на которомъ построена вся французская система, высказано въ первой статьѣ code d'instruction criminelle. Эта статья говоритъ: «L'action pour l'application des peines n'appartient qu'aux fonctionnaires auxquels elle est confiée par la loi». Для цѣлей открытія и наказанія преступленій во Франціи существуютъ слѣдующія учрежденія. Во-первыхъ, императорскіе суды, cours impériales, число которыхъ во всей имперіи простирается до 27. При каждомъ изъ этихъ судовъ состоитъ генеральный прокуроръ, procureur-général, который имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, заступающихъ въ случаѣ надобности его мѣсто. Въ каждомъ округѣ (arrondissement) есть слѣдственный судья, juge d'instruction (выбираемый на три года изъ числа судей гражданского суда, tribunal civil); при каждомъ судѣ первой инстанціи находится императорскій прокуроръ, procureur-impérial. Названные судьи и должностныя лица имѣютъ въ своемъ распоряженіи полицейскихъ комиссаровъ и агентовъ, жандармовъ и другихъ низшихъ чиновниковъ. Всѣ эти органы уголовной власти образуютъ собою, какъ говорятъ французы, *hiérarchie*, которая начинается жандармомъ и оканчивается генеральнымъ прокуроромъ. Самъ генеральный прокуроръ есть нѣчто въ родѣ судьи-адвоката; онъ — членъ императорскаго суда въ томъ смыслѣ, что засѣдаетъ въ этомъ судѣ во время процессовъ и вмѣшивается ex officio въ судебныя пренія. Функции этихъ различныхъ чиновниковъ (которые состоятъ въ тѣсной официальной связи между собою и постоянно сносятся другъ съ другомъ) самаго инквизиціоннаго свойства. Они собираютъ всякаго рода доказательства о совершившемся преступленіи, допрашиваютъ оподозрѣннаго въ преступленіи относительно каждаго пункта обвиненія, и сводятъ его отъ времени до времени на очныя ставки съ свидѣтелями. Они имѣютъ власть подвергнуть обвиняемаго уединенному заключенію, посадить его въ такъ называемую «секретную», — au secret, — что всегда и дѣлается. Цѣль такого ареста — пресѣчь обвиняемому способы видѣться съ друзьями и приготовиться къ систематической защитѣ. Они скрываютъ отъ обвиняемаго, какія показанія сдѣлали свидѣтели за и противъ него, а между тѣмъ допрашиваютъ его относительно тѣхъ фактовъ, о которыхъ рассказали свидѣтели. Сравнивая свѣдѣнія, почерпнутыя изъ самыхъ разнообразныхъ

источниковъ, слѣдователи и прокуроры постепенно вырабатываютъ извѣстный взглядъ на дѣло, который въ сложныхъ уголовныхъ случаяхъ часто представляетъ цѣлую систему, подробно объясняющую каждое отдѣльное обстоятельство преступленія. Взглядъ этотъ составляется при помощи разнаго рода натяжекъ и хитросплетеній; кромѣ того, тутъ принимается въ соображеніе и способъ выраженія свидѣтелей, и большая и меньшая бойкость въ отвѣтахъ обвиняемаго, и множество другихъ подобныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ производится во Франціи такъ-называемое «предварительное слѣдствіе».

Окончательные результаты этого слѣдствія излагаются въ обвинительномъ актѣ, *acte d'accusation*, который подписывается генеральнымъ прокуроромъ. Обвинительный актъ не только перечисляетъ всѣ тѣ основанія, по которымъ *ministère public* — какъ называются публичные обвинители коллективно — заключаетъ о виновности оподозрѣннаго, но также очень часто приводитъ и опровергаетъ предполагаемые доводы въ пользу этого послѣдняго. Нужно замѣтить, что между чиновниками, производящими предварительное слѣдствіе, и императорскимъ судомъ, окончательно рассматривающимъ дѣло, существуетъ тѣсная офиціальная связь. Отдѣленіе этого суда, состоящее изъ трехъ судей, образуетъ нѣчто въ родѣ англійскаго большаго джюри, и называется обвинительною камерою, *chambre des mises en accusation*. Обвинительная камера по выслушаніи обвинительнаго акта, предлагаемаго генеральнымъ прокуроромъ, рассматриваетъ: есть-ли достаточныя основанія для преданія обвиняемаго суду. Она можетъ, если признаетъ нужнымъ, сдѣлать постановленіе о производствѣ дополнительнаго слѣдствія, которое и производитъ совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и низшіе суды. Императорскіе судьи тоже имѣютъ право дѣйствовать въ качествѣ судебныхъ органовъ первой инстанціи. Во время разсмотрѣнія дѣла въ обвинительной камерѣ, обвиняемый и гражданскій истецъ (т. е. лицо, предъявившее искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные ему преступленіемъ) могутъ представлять записки, *mémoires*, судьямъ, которые обязаны прочесть ихъ прежде, чѣмъ постановятъ опредѣленіе.

Если обвинительная камера находитъ обвиненіе основательнымъ, то дѣло передается въ ассизный судъ департамента — окружный судъ, въ которомъ одинъ изъ судей императорскаго суда исправляетъ должность президента. Если же преступленіе, о которомъ идетъ дѣло, совершилось въ такомъ департаментѣ, гдѣ есть императорскій судъ, то процессъ разбирается передъ отдѣленіемъ этого суда, засѣдающимъ въ качествѣ ассизнаго суда. По открытіи судебного засѣданія на ассизахъ, предсѣдательствующій судья самъ допрашиваетъ подсудимаго. Какъ генеральный прокуроръ, такъ и подсудимый приглашаютъ своихъ свидѣтелей; но, кромѣ того, и президентъ суда можетъ, въ силу своей распорядительной власти

(*pouvoir discrétionnaire*), призвать въ качествѣ свидѣтеля всякое лицо, отъ котораго надѣется получить какія-либо свѣдѣнія о подсудимомъ или о преступленіи.

Процессъ открывается чтеніемъ обвинительнаго акта. Затѣмъ слѣдуетъ такъ-называемый *exposé*, вступительная рѣчь генеральнаго прокурора, направленная противъ подсудимаго. Прокуроръ описываетъ въ патетическихъ выраженіяхъ событіе преступленія и прямо указываетъ на подсудимаго, какъ на виновника преступленія. Нечего и говорить, что подобная рѣчь никогда не была бы дозволена въ англійскомъ судѣ. По окончаніи рѣчи прокурора, президентъ приступаетъ къ допросу подсудимаго, изложивъ вкратцѣ факты, въ которыхъ его обвиняютъ. Послѣ того выслушиваютъ показанія свидѣтелей; причемъ прокуроръ опредѣляетъ порядокъ, въ которомъ должны быть вызываемы свидѣтели. Въ отношеніи допроса свидѣтелей судъ не руководствуется никакими правилами о судебныхъ доказательствахъ. Свидѣтель можетъ излагать свое показаніе какъ ему угодно, — никто и не подумаетъ прерывать его. Послѣдствіемъ этого, разумѣется, бываетъ то, что свидѣтели очень часто пускаются въ длинныя разглагольствованія, которыя рѣшительно не относятся къ дѣлу.

По выслушаніи свидѣтельскихъ показаній, президентъ подвергаетъ свидѣтелей перекрестному допросу. Послѣ перекрестнаго допроса со стороны президента, адвокатъ подсудимаго можетъ и съ своей стороны предложить свидѣтелямъ вопросы, но не иначе какъ чрезъ посредство президента. Защитники, однакоже, почти никогда не пользуются этой привилегіей, которая одна уже достаточно обнаруживаетъ рѣзкое различіе французскаго и англійскаго уголовнаго судопроизводства. Въ послѣднемъ перекрестный допросъ свидѣтелей составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ и самыхъ характеристическихъ элементовъ процесса.

По окончаніи допроса свидѣтелей, адвокатъ гражданскаго истца, генеральный прокуроръ и, наконецъ, защитникъ подсудимаго, говорятъ свои рѣчи къ присяжнымъ. Затѣмъ президентъ резюмируетъ результаты судебныхъ преній. Но заключительная рѣчь французскаго предсѣдательствующаго судьи далеко не имѣетъ такого значенія въ процессѣ, какъ подобная же рѣчь англійскаго судьи. *Resumé* французскаго президента часто ограничивается простымъ перечисленіемъ доводовъ, приведенныхъ адвокатами.

Изъ предъидущаго бѣглаго очерка французскаго судопроизводства ясно видно, что этому судопроизводству совершенно чуждо воззрѣніе на уголовный процессъ какъ на тяжбу частныхъ лицъ. Подсудимому не дозволяется сдѣлать ни одного свободнаго шага въ интересахъ своего оправданія. Онъ не можетъ вести своей защиты по собственному усмотрѣнію. Органы публичнаго министерства такъ обязательны, что берутъ на себя трудъ собирать матеріалы для защиты подсудимаго, хотя потомъ обращаются